

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ СССР

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

**ИЗ ИСТОРИИ
МАРКСИСТСКОЙ
ФИЛОСОФИИ**

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

Выпуск 13

1958 г.

Москва

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ СССР

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

П 22

2373а

Кафедра философии

а

ИЗ ИСТОРИИ МАРКСИСТСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Под редакцией: Б. Э. Быховского,
А. В. Горохова и К. Т. Кузнецова

1958

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
<i>П. С. Трофимов.</i> Развитие диалектического материализма в трудах К. Маркса «Капитал» и «К критике политической экономии»	5
<i>А. Г. Кочубеев.</i> В. И. Ленин о государственно-политическом творчестве народных масс в социалистической революции	42
<i>Г. А. Гусев.</i> Историческое творчество парижских коммунаров в оценке Маркса и Энгельса	76
<i>А. В. Горохов.</i> Разработка Г. В. Плехановым вопроса о роли народных масс и личности в истории	112
<i>А. Т. Семин.</i> Ф. Энгельс о революции в период становления классового общества	132
<i>К. Т. Кузнецов.</i> Мировоззрение Карла Маркса в студенческие годы	156
<i>Б. Э. Быховский.</i> Философия Гегеля как единство противоположностей	192
<i>А. И. Ардабьев.</i> Учение Л. Фейербаха о гносеологических корнях религии	214

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ЧАСТЬ МГЭИ

Л 116243 от 14.VI.58 г.
Заказ 581.

Объем 15,5 п. л.

Авт. л. 16,0.
Тир. 1000.

Типография МГЭИ, Зацепы, 41.

А. В. ГОРОХОВ
кандидат философских наук

РАЗРАБОТКА Г. В. ПЛЕХАНОВЫМ ВОПРОСА О РОЛИ НАРОДНЫХ МАСС И ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ

В. И. Ленин указывал, что Маркс и Энгельс заложили лишь краеугольные камни марксистской науки; задача же марксистов заключается в том, чтобы развивать и разрабатывать эту науку во всех направлениях. Это положение полностью применимо и к марксистскому учению о роли народных масс и личности в истории.

Основа для научной разработки этой проблемы была заложена Марксом и Энгельсом созданием теории исторического материализма. «Прежние теории, — указывал В. И. Ленин, — не охватывали как раз действий масс населения, тогда как исторический материализм впервые дал возможность с естественно-исторической точностью исследовать общественные условия жизни масс и изменения этих условий»¹.

Из материалистического понимания истории непосредственно вытекает, что подлинным творцом истории выступают не короли и полководцы, а народ, являющийся создателем всех материальных и духовных благ общества. Это основное положение, в той или иной форме, неоднократно высказывалось Марксом и Энгельсом уже в их ранних работах: «Критика гегелевской философии права», «Святое семейство», «Немецкая идеология». Оно красной нитью проходит через «Капитал» и другие экономические исследования Маркса.

Блестящее решение вопроса о роли масс и личности в истории дается в сжатой форме Энгельсом в его работах «Анти-Дюринг» и «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии».

И, наконец, великолепным образцом практического применения их теоретических воззрений в исторических исследованиях являются такие работы Маркса, как «18 брюмера Луи Бонапарта», «Классовая борьба во Франции с 1848 до 1850 г.», «Гражданская война во Франции».

Однако основоположники марксизма не оставили специального исследования, посвященного теоретической раз-

работке вопроса о роли субъективного фактора в истории, в том числе и роли сознательной и целенаправленной деятельности народных масс, классов, политических партий и вождей.

И это не случайно. В борьбе с идеализмом за торжество материалистического понимания истории Маркс и Энгельс все внимание и силы сосредоточили на обосновании главного принципа, отрицавшегося идеалистами, а именно, положения об определяющей роли объективного фактора, т. е. производительных сил и производственных отношений в развитии общества.

Это обстоятельство породило путаницу в головах некоторых последователей Маркса. Они фаталистически истолковывали роль объективного фактора и недооценивали, а иногда и полностью игнорировали, роль субъективного фактора в истории.

В письме к Блоху от 21 сентября 1890 г. Энгельс по этому поводу писал: «Маркс и я виноваты отчасти в том, что молодежь иногда придает больше значения экономической стороне, чем это следует. Нам приходилось, возражая нашим противникам, подчеркивать главный принцип, который они отрицали, и не всегда находилось достаточно времени, места и поводов отдавать должное и остальным моментам, участвующим во взаимодействии. Но как только дело доходило до изображения какого-либо исторического периода, т. е. до практического применения, дело менялось, и тут уже не могло быть никакой ошибки. К сожалению, сплошь и рядом полагают, что новую теорию вполне поняли и могут ее применять сейчас же, как только усвоены основные положения, да и то не всегда правильно. В этом я могу упрекнуть многих новейших «марксистов», ведь благодаря этому также возникала удивительная путаница»¹.

Большой заслугой Г. В. Плеханова перед марксистской теорией и международным рабочим движением является то, что он положил начало ликвидации этой путаницы, приведшей к вульгаризации марксизма по одному из важнейших вопросов исторического материализма.

В борьбе с идеалистической субъективной социологией народников Г. В. Плеханов, руководствуясь вышеуказанными работами основоположников марксизма, впервые дал систематическое изложение и обоснование марксистских взглядов на роль народных масс и личности в истории, положив этим начало систематической разработке данной проблемы с позиций диалектического и исторического материализма.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, Госполитиздат, 1948, стр. 424.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 40.

В наше время, когда решения XX съезда и ЦК КПСС о ликвидации культа личности и его вредных последствий всколыхнули весь мир, когда из марксистского учения о роли народных масс и личности в истории делаются далеко идущие политические и практические выводы, идеи Г. В. Плеханова в этой области представляют для нас не только исторический, но и практический интерес.

Основные идеи по этому вопросу были высказаны Г. В. Плехановым в его работах «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» и «К вопросу о роли личности в истории».

В этих работах Г. В. Плеханов полностью опровергнул основное обвинение, выдвинутое еще в 1847 году против Маркса последователем Бруно Бауэра — Опицем, а затем на разные лады повторявшееся «почтенными социологами» народников. Это обвинение заключалось в том, что Маркс, якобы, полностью игнорирует роль и значение для истории субъективного фактора, т. е. сознательной деятельности людей.

Опровергая это обвинение, Плеханов приводил известный тезис Маркса о Фейербахе, в котором Маркс заявлял, что слабой стороной домарксовского материализма было то, что он рассматривал мир лишь в форме объекта, или в форме созерцания, а не в форме практики, т. е. конкретной человеческой деятельности, не субъективно. Поэтому **деятельную** сторону, в противоположность материализму, развивал до сих пор идеализм, но развивал отвлеченно, так как идеализм не признает конкретной деятельности как таковой.

Из этого тезиса вытекает, что марксизм, в противоположность домарксовскому материализму, рассматривавшему человека созерцательно, т. е. как изолированного человеческого индивида, лишь воспринимающего воздействия среды, стремится показать человека как действующую личность и вследствие этого, как субъекта истории. Отвечая на вопрос, как развивается «конкретная деятельность» человека, а в процессе этой деятельности и его «самосознание», марксизм тем самым отвечает на вопрос, как складывается субъективная сторона истории. Таким образом, марксизм отнюдь не игнорирует субъективного фактора. Люди сами делают свою историю — неоднократно заявляли основоположники марксизма. Так, Энгельс в своей работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» писал: «Каков бы ни был ход истории, люди делают ее так: каждый преследует свои собственные, сознательно поставленные цели, а общий итог этого множества действующих лю

различным направлениям стремлений и их разнообразных воздействий на внешний мир — это именно и есть история»¹.

Г. В. Плеханов показал, что в основании ложных обвинений марксизма в фатализме, в игнорировании субъективного фактора, лежит то, что субъективные социологи неправильно принимают первое слово марксизма за его последнее слово. Они думают, что все социологическое учение марксизма заключается в требовании выяснять объективные отношения, в которые люди вступают в процессе производства материальных благ. В действительности же марксизм требует от исследователя выяснения не только общих, но также особенных и единичных причин исторического процесса в каждую конкретную эпоху, в каждой конкретной стране. Поэтому изучение объективной действительности, с точки зрения марксизма, является лишь началом подлинно научного исследования. Оно призвано помочь решению главной задачи, а именно: выяснению законообразности субъективной деятельности.

Всякое историческое исследование приходится начинать с изучения состояния производительных сил и экономических отношений данной страны. Но на этом марксистское исследование не останавливается. Дальнейшей задачей исследователя является показать, как сухой костяк экономики покрывается живую плоть социально-политических форм, а затем — и это самая интересная и увлекательная сторона задачи — человеческих идей, чувств, стремлений и идеалов. «В руки исследователя, — говорит Плеханов, — поступает, можно сказать, **мертвая материя**, из его рук должен выйти **полный жизни организм**»².

Таким образом, марксистское учение вовсе не упускает из вида роли субъективного фактора, оно только старается объяснить, почему субъективный фактор в каждое данное время действовал так, а не иначе; оно не пренебрегает действиями разума, а только старается найти для них достаточную причину.

Однако на это противники марксизма возражали: поскольку воздействие объективных по своей природе производительных сил и производственных отношений по учению марксизма является определяющим для исторического процесса, сам этот процесс осуществляется неотвратимо, исключая какую-либо возможность проявления свободной воли человека. И если человек и действует, то он выступает не как существо, обладающее свободной волей, а как сле-

¹ Ф. Энгельс. «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», Госполитиздат, 1951, стр. 41.

² Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, Госполитиздат, 1956, т. I, стр. 679.

пое орудие экономического фактора. Отсюда следует, что человеку нет никакого смысла осуществлять какую бы то ни было деятельность. В самом деле, какой смысл действовать, если и без твоего вмешательства желательная тебе цель будет достигнута, и какой смысл противодействовать, если заранее известно, что твои усилия обречены на неудачу? А поскольку это так, человек обрекается марксизмом на квиетизм, на терпеливое ожидание своей участи, на покорное смирение перед неотвратимым фатумом производительных сил и производственных отношений. Поэтому, когда марксисты говорят о том, что люди сами делают свою историю, то это или является у них пустой фразой, или же опровергает их основное положение об определяющей роли производительных сил и производственных отношений.

Классовое содержание и политическая направленность такого возражения против марксизма ясно обнаруживается, когда буржуазные социологи пытаются сделать из него конкретные выводы в применении к общественной жизни. Так, ярый враг марксизма, немецкий социолог неокантианского толка Рудольф Штаммлер усматривал неразрешимое противоречие марксизма в том, что он призывает пролетариев всех стран объединяться для борьбы с капитализмом, за социализм и одновременно учит, что крушение капитализма и наступление социализма вытекают из имманентно присущих капитализму объективных законов развития. Ведь никто, замечает Штаммлер, не организует партии для наступления лунного затмения.

За этими логическими рассуждениями идеолога буржуазии скрывается стремление отвлечь пролетариат от организованной борьбы с капитализмом.

Еще более обнаженно выражает эту затаенную мечту буржуазии другой неокантианец Федерн. Если социализм наступает необходимо, говорит он, то нет нужды в создании социалистической партии точно так же, как никто не основывает партию наступления весны и лета. Если теория марксизма правильна, то социалисты должны прекратить свою борьбу за социализм и лечь спокойно спать в ожидании пришествия социализма.

Г. В. Плеханов полностью опроверг и эти возражения.

На ярких исторических примерах он показывает, что даже фатализм не всегда мешает энергичному действию на практике. Более того, в известные эпохи фатализм был психологически необходимой основой энергичной деятельности (пуритане, Моисей, Кальвин, Кромвель, магометане). Если фаталист убежден в том, что его собственная деятельность является необходимым звеном в цепи необходимых

событий, то отсутствие свободы воли преломляется в его сознании, как неспособность к бездействию, как невозможность поступать иначе, чем он поступает. «Это,—говорит Плеханов,—именно то психологическое настроение, которое может быть выражено знаменитыми словами Лютера: «Hier stehe ich, ich kann nicht anders» (на этом я стою и не могу иначе), и благодаря которому люди обнаруживают самую неукротимую энергию, совершают самые поразительные подвиги»¹.

Тем более неправильно это утверждение в отношении тех, кто, отрицая свободу воли, не является фаталистом, т. е. исходит из положения, что история делается самими людьми. В этом случае сознание безусловной необходимости данного явления может только усилить энергию человека, сочувствующего ему и считающего себя одной из сил, вызывающих это явление. Он не может предаваться благодушному бездействию в ожидании того счастливого момента, когда это событие наступит, так как выключение его из деятельности означало бы уменьшение сил, вызывающих данное явление, которое может привести к оттяжке, а если из-за его бездействия получают перевес силы, направленные против данного явления, то желаемое для него явление не наступит совсем. Поэтому он будет действовать, а сознание закономерности, объективной необходимости данного явления вселит в него уверенность в том, что его деятельность не будет напрасной, что она необходимо приведет к желаемому результату, а это придаст деятельности данного человека неукротимую силу и энергию.

Отсюда становится понятным, почему довод, приведенный Штаммлером против марксизма, является архинелепым. Люди, конечно, не организуют партий по наступлению лунного затмения, ибо человеческая деятельность не входит в качестве необходимой силы, обуславливающей наступление лунного затмения. В целях же наступления того или иного общественного явления они организуют партии, так как деятельность людей является необходимым составным элементом, входящим в равнодействующую параллелограмма сил, каковым является данное общественное событие.

Следовательно, историческая необходимость смены одного способа производства другим, законы классовой борьбы и социальной революции никак не могут «исключать» активной роли масс, классов, партий и отдельных личностей в этом процессе, ибо сами эти процессы целиком состоят из действий масс и личностей. Определенные общественные классы, исходя из своих жизненно важных классово-

¹ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения, Госполитиздат, 1956, т. II, стр. 302.

вых интересов, совершают социальную революцию, переходят от старого, отжившего способа производства, к новому, более прогрессивному, высокому. Другие же общественные классы, исходя, опять-таки, из своих жизненно важных интересов, стремятся воспрепятствовать рождению нового общества, стремятся сохранить старый общественный уклад, обеспечивающий им определенные выгоды.

Так, рабочий класс побуждается к борьбе за свержение капитализма и создание социалистического общества стремлением спасти себя от таких бедствий капитализма, как экономические кризисы, безработица, нищета, эксплуатация, голод и т. п.

Капиталисты, в свою очередь, своими классовыми интересами побуждаются к действию, но в обратном направлении. Они стремятся сохранить свой богатства и возможность дальнейшего обогащения. Вследствие этого они стремятся к увековечиванию капиталистического строя.

Таким образом, историческая необходимость проявляется в сознании, как осознанный кровный интерес, который и служит непосредственным побудителем деятельности.

Но, позвольте, возражали на это народники, если вы считаете, что общественные явления наступают в результате деятельности человека, а воля человека по своей природе свободна, то этим вы отказываетесь от провозглашенного вами принципа необходимости.

Выдвигая такое возражение, социологи народников вставали на путь противопоставления свободы и необходимости.

Г. В. Плеханов в борьбе с субъективной социологией показал, что противопоставление свободы и необходимости уже давным-давно обнаружило свою научную несостоятельность. Как известно, на этой позиции стояли еще мыслители XVII века, которые при объяснении исторического процесса апеллировали к природе человека как высшей инстанции. Вследствие этого, они по необходимости должны были объяснять общественные отношения людей их взглядами, их сознательной деятельностью, которая представлялась им свободной. Свободная же деятельность, по их мнению, исключает понятие о необходимости, т. е. законосообразности, представляющей основу всякого научного объяснения явлений. Такое представление о свободе мешало развитию науки, так как лишало ее возможности находить законосообразность в общественной жизни. Да и само представление о свободе, исключая необходимость, вылилось в совершенно бессодержательное понятие. Такая свобода фактически оказывалась вечной данницей и бессильной игрушкой в руках той же необходимости. Отсюда — настоя-

тельная потребность освободить свободу. А для этого существует один только путь, на который встали еще идеалисты диалектики, а именно, выяснить — не вытекает ли свобода из необходимости, не составляет ли необходимость единственную твердую основу и неизбежное условие человеческой свободы? И Плеханов показывает, как Маркс, идя по этому пути, открыл законы капиталистического общества, выяснил тенденции его исторического развития. Это дало ему возможность указать пути и средства для подчинения слепой необходимости, вытекающей из анархии капиталистического производства, предначертаниям человеческого разума, сознательной воле человека. Другими словами, Маркс указал путь, идя по которому, мы из царства необходимости переходим в царство свободы. Однако такая свобода не означает произвола. Она есть лишь осознанная необходимость.

Плеханов показал, что это положение остается правильным и в отношении индивидуальной свободы. Колеблются, подобно Гамлету, лишь те, кто не осознал необходимости действовать так, а не иначе. И, наоборот, «когда сознание несвободы моей воли, — говорит Плеханов, — представляется мне лишь в виде полной субъективной и объективной невозможности поступать иначе, чем я поступаю, и когда данные мои действия являются в то же время наиболее для меня желательными из всех возможных действий, тогда необходимость отождествляется в моем сознании со свободой, а свобода с необходимостью и тогда я не свободен только в том смысле, что не могу нарушить это тождество свободы с необходимостью; не могу противопоставить их одну другой; не могу почувствовать себя стесненным необходимостью. Но подобное отсутствие свободы есть вместе с тем полнейшее ее проявление»¹. Таким образом, Плеханов показал, что ошибка субъективных идеалистов в данном вопросе состоит в том, что они метафизически противопоставляют свободу и необходимость, как нечто взаимоисключающее друг друга. На самом же деле историческая необходимость не исключает свободы, а свобода не исключает необходимости. Более того, в общественной жизни они предполагают и обуславливают друг друга. Свобода здесь является познанной необходимостью, а познанная необходимость — основой господства человека над самим собой и силами внешнего мира. Незнание, или плохое знание исторической обстановки, законов и условий движения лишает человека свободной ориентировки в них, делает его суждения и действия неуверенными, зависимыми от всяких случайностей. И, наоборот,

¹ Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, Госполитиздат, 1956, т. II, стр. 304 — 307.

чем лучше мы знаем исторические условия и законы движения, тем лучше мы ориентируемся в нем, тем более уверены, определены, решительны и свободны наши действия.

Переходя к разбору и критике народнической теории «критически мыслящих личностей», Плеханов прежде всего вскрывает идейные истоки этой теории. Он показал, что социологическая мысль уже с давних пор билась над решением вопроса о том, что является движущей силой истории?

С одной стороны, история явно носила отпечаток деятельности выдающихся исторических лиц, а, с другой стороны, в ходе исторического развития проявлялась быющая в глазах закономерность, которая сплошь и рядом приводила к результатам, прямо противоположным тем, к которым стремились эти деятели. Таким образом, получалась явная несообразность: исторические деятели являлись одним фактором общественно-исторического движения, а другим фактором служили собственные законы данного общественно-исторического движения.

Пытаясь избавиться от этой несообразности, буржуазная социологическая мысль развивалась по двум основным направлениям: волюнтаристскому и фаталистическому.

Согласно первому направлению причиной исторических событий является воля выдающихся личностей: правителей, законодателей, полководцев. Воля же этих лиц, в свою очередь, определялась их субъективными, чисто случайными мотивами: гуманностью, алчностью, честолюбием и т. п. Отсюда — отрицание ими объективной закономерности исторического процесса и непомерное преувеличение роли случайности. Вся история, по их мнению, является результатом сцепления ряда случайностей.

Так, например, французский философ-материалист Гольбах писал: «Излишек едкости в желчи фанатика, разгоряченность в крови и сердце завоевателя, дурное пищеварение у какого-нибудь монарха, прихоть какой-нибудь женщины — являются достаточными причинами, чтобы заставить предпринимать войны, чтобы посылать людей на бойню... чтобы погружать народы в нищету... и распространять отчаяние и бедствие на длинный ряд веков»¹.

Субъективно-идеалистическое или волюнтаристское понимание роли личности в истории, возникшее еще в античном мире, в новое время нашло наиболее яркое выражение во взглядах Макиавелли, а также во взглядах французских материалистов — просветителей XVIII века.

Согласно воззрениям последних, вся прошлая история — продукт невежества народов и злой воли их правителей.

¹ П. Гольбах. Система природы, Соцэкгиз, 1940, стр. 147.

Поэтому, стоит только просветить людей и тогда сразу наступит царство свободы, братства, равенства и вечной справедливости.

Развитие и преобразование общества определяется, по их мнению, идеями и волей просветителей, мудрых законодателей и просвещенных монархов. Отсюда — надежды просветителей на счастливый случай, который приведет на трон такого просвещенного монарха. «Велением судьбы, — писал Гольбах, — на троне могут оказаться просвещенные, справедливые, мужественные, добродетельные монархи, которые, познав истинную причину человеческих бедствий, попытаются исцелить их по указаниям мудрости»¹. А Дидро писал по этому поводу следующее: «Он придет, он придет когда-нибудь тот справедливый, просвещенный и сильный человек, которого вы ждете, потому что время приносит с собой все, что возможно, а такой человек возможен»².

В качестве типичного примера субъективно идеалистического подхода к вопросу о роли личности в истории может служить работа Вольтера «История Российской империи при Петре Великом». В лице Петра Вольтер видит идеал того просвещенного монарха, которого искали многие просветители. По мнению Вольтера, Петр один, своей волей «цивилизировал» свой народ, привел его из варварства к цивилизации. По Вольтеру выходило, что историю творят не массы, не народ, а отдельные выдающиеся личности. Он презрительно третирует народные массы. Народ, говорил Вольтер, всегда глуп и туп; это — вол, которому нужны ярмо, корм и погонщик.

Социалисты-утописты, оставшись в плену идеалистического взгляда на историю, подобно просветителям, считали, что идеи правят миром, что великие мыслители и великие люди — единственные творцы истории, что народным массам остается лишь следовать за ними или продолжать коснеть в невежестве и терпеть бедствия. Поэтому Роберт Оуэн обращался со своими планами переустройства общества к английской королеве Виктории и ее советникам. Фурье возлагал свои надежды сперва на Наполеона, а затем на разных богатых филантропов, рассчитывая, что они заинтересуются его планом социального переустройства и вложат в это дело свои капиталы.

Роль личности в истории приобретает фаталистический характер у английского писателя Томаса Карлейля. В своей книге «Герои и героическое в истории», вышедшей в 1840 году, Карлейль развивал «теорию» о том, что история общества —

¹ П. Гольбах. Система природы, Соцэкгиз, 1940, стр. 430.

² Д. Дидро. Соч., т. II, 1935 г., стр. 323.

это «божественное откровение», раскрывающееся простым смертным лишь через «героев», великих людей. Все, созданное историей человечества, утверждал Карлейль, — это лишь реализация идей великих людей, внешний результат их деятельности. Он писал: «Великий человек, с его свободной силой, исходящей прямо из рук божиих, есть молния. Его слово — мудрое, спасительное слово; в него могут все поверить. Все воспламеняется тогда вокруг этого человека, раз он ударяет своим словом, и все пылает огнем, подобным его собственному»¹.

В противоположность волюнтаризму французские историки периода Реставрации — Фр. Минье, Ф. Гизо, О. Тьерри приближались к материалистическому пониманию истории.

Так, Минье, в своей книге «История французской революции» доказывает, что история есть не биография великих личностей, а история народов.

Тьерри требовал изучения движения народных масс и их быта. «Движение народных масс по пути к свободе и благоденствию, — писал он, — нам показалось бы более внушительным, чем шествие завоевателей; а их несчастья более трогательными, чем бедствия лишенных владений королей».

Однако, будучи идеологами буржуазии, они под народом понимали лишь нерасчлененное на классы «третье сословие» во главе с буржуазией. В выступлениях же народных масс они видели лишь слепую «борьбу страстей». Движущие силы исторических изменений они искали в общих свойствах человеческой природы, что неизбежно придавало их историческим взглядам фаталистический характер.

Наиболее ярким представителем фаталистического взгляда на историю был немецкий философ начала XIX века, объективный идеалист, Гегель. Он изображал историю как развитие «всемирного духа», как осуществление «цели провидения» некоего «божественного плана», а «избранные» народы и великих людей он считал орудиями «всемирного духа».

Взгляды Гегеля нашли свое карикатурное, субъективно-идеалистическое, выражение в философии младогегельянцев — братьев Бауэров и др., которые изображали народную массу «врагом духа», «глупой», «некритической», «жосной материей». Наряду с этим, братья Бауэры восприняли положение французских просветителей, что «мнения правят миром». А так как мнения создаются идеологами, то последних они и считали главными двигателями истории. Массе они противопоставили свою «критическую критику», т. е. немногих бур-

жуазных интеллигентов, вообразивших, что они «соль земли» — единственная движущая сила истории. Сущность исторического процесса сводилась ими к переработке «критическим духом» существующих мнений и обусловленных ими форм общественной жизни.

Эти взгляды Бауэров были восприняты и перенесены в русскую литературу идеологом народничества П. Л. Лавровым под названием «теории критически мыслящих личностей».

Сущность этой теории, говорит Г. В. Плеханов, заключается в том, что «критически мыслящая личность», идя по стопам Бауэра, воображает себя единственным творцом истории и тем самым выделяет себя и себе подобных в особую высшую разновидность человеческого рода. Этой высшей разновидности противостоит чуждая критической мысли «масса», способная играть лишь роль глины в творческих руках «критически мыслящих личностей»; «героям» противостоит «толпа». «Как ни любит герой толпу, — говорит Плеханов, — как ни полон он сочувствия к ее вековой нужде, к ее непрерывным страданиям, — он не может не смотреть на нее сверху вниз, не может не сознавать, что все дело в нем, в герое, между тем как толпа есть чуждая всякого творческого элемента масса, что-то вроде огромного количества нулей, получающих благотворное значение только в том случае, когда во главе их снисходительно становится добрая, «критически мыслящая» единица»¹.

И действительно, движущей силой прогресса, по мнению Лаврова, является «критически мыслящая личность», противопоставляемая массе, «толпе», народу. Масса, утверждал Лавров, лишь возможность, почва и жертва прогресса, но не творец его. Больше того, масса — это сила инерции, косности. Как ни мал прогресс человечества, говорил Лавров, но и то, что создано, создано исключительно критически мыслящими личностями; эти личности — «единственные орудия человеческого прогресса».

Другой крупный идеолог народничества Н. К. Михайловский дальше развил эти идеи Лаврова. Следуя методу Спенсера, Михайловский «сравнивал» между собой отношения в пчелином улье и в банде уголовных преступников, волнения в осином гнезде и перевороты в человеческом обществе, находя всюду «сходство» во взаимоотношениях между вождями и массой, «героем» и «толпой», устанавливая таким образом универсальный «закон» о «героях» и «толпе», который охватывает все явления, начиная от ми-

¹ Т. Карлейль. Герои и героические в истории, стр. 18, СПб, 1891.

¹ Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. I, стр. 605.

микрии у растений и животных, вплоть до гениальных изобретений и открытий ученых.

Смешивая в одну кучу самые разнообразные явления, Михайловский приходил к такому определению «героев» и «толпы»: «Героем» мы будем называть человека, увлекающего своим примером массу на хорошее или дурное, благороднейшее или подлейшее, разумное или бессмысленное дело. «Толпой» будем называть массу, способную увлекаться примером, опять-таки высокоблагородным или низким, или нравственно-безразличным».

«Герой», утверждал Михайловский, ведет «толпу» путем гипноза. «Кто хочет властвовать над людьми, заставить их подражать или повиноваться, тот должен поступать, как поступает магнетизер, делающий гипнотический опыт». Такого рода «герои», по теории Михайловского, «врезываясь... в ход событий или в историю мысли» и сосредоточив на себе всеобщее внимание, «ведут людей, куда хотят».

Особенно ожесточенно Михайловский выступал против марксистского положения о том, что «безымянные массы» являются главным фактором истории. В этом Михайловский усматривал «главный грех» марксизма, обвиняя его в отрицании роли личности в истории.

Таким образом, «субъективный метод» социологов народничества не блещет ни новизной, ни оригинальностью. Он является лишь воспроизведением и развитием в условиях русской действительности «критической критики» братьев Бауэров, наголову разгромленной Марксом и Энгельсом еще в 1845 году в их работе «Святое семейство».

«Субъективный метод, — писал Плеханов, — открыт впервые не г. Михайловским и даже не «ангелом школы», т. е. не автором «Исторических писем» (Лавровым. — А. Г.). Его придерживались еще Бруно Бауэр и его последователи, тот самый Бруно Бауэр, который родил автора «Исторических писем», того самого автора «Исторических писем», который родил г. Михайловского и братьев его»¹.

В наше время субъективно-идеалистическое волюнтаристское объяснение роли личности в истории полностью отвечает классовым интересам современного империализма. Чем глубже всеобщий кризис империализма, тем труднее становится буржуазии управлять государством старыми методами буржуазной демократии и парламентаризма, тем больше буржуазия хватается за методы террористической, фашистской диктатуры. В этих условиях на Западе в изобилии плодятся фашистские «теории» о «сильной власти» и «сильной личности», идеи спасения капитализма при помощи едино-

личной, не ограниченной никакими законами власти фашистского диктатора. С этой целью идеологи империализма на всевозможные лады «обосновывают» теорию, согласно которой все великое в истории создано не массами, а великими личностями, фюрерами. «Избранная личность», ее «воля» и «гений», утверждают они, — определяющая сила в истории. Все эти реакционные теории пронизывает презрение к массам. Наиболее цинично выразил это Ф. Ницше, создавший теорию «сверхчеловека», попирающего массы и ненавидящего их.

Повторяя эти идеи Ницше, другой немецкий философ Шпенглер твердил, что «рожденный для господства» фюрер может использовать массу, но он ее всегда презирает. Истинный вождь, по философии Шпенглера, должен ненавидеть массу и опасаться ее; масса опасна всюду, она изменяет фюрерам, как только фюреры потребуют от нее жертв.

Те же идеи, только обычно под флагом «демократии» и «свободы личности», пропагандируются и идеологами англо-американского империализма. Глава американских прагматистов Дьюи твердит, что творить историю, управлять государством, могут только избранные, а не массы, ибо массы не достигают «вершин бытия», они «довольствуются самой низкой ступенью» его. Дьюи, конечно, умалчивает, что именно капитализм обрекает трудящиеся массы на то, чтобы «довольствоваться самой низкой ступенью бытия».

Американский социолог Богардус уверяет, что толпа управляется эмоциями и настроениями, поэтому каждый беспринципный лидер имеет возможность превратить сотни тысяч людей в «бешеную толпу», поклоняющуюся автору «невыполнимого» проекта общественного устройства. «Дух толпы» делает, якобы, затруднительным разумное рассмотрение вопросов общественного благосостояния. Отсюда прямо следует вывод о необходимости лишения народных масс возможности участия в политической деятельности.

Правые социалисты во всех странах пропагандируют те же реакционные буржуазные теории об «избранных» личностях, лишь по форме прикрываясь фразами о социализме, демократии и т. п. Французский лидер правых социалистов Леон Блюм в своих книжках «О равенстве по Платону» и «В масштабе человечества» третирует власть народа как «режим некомпетентности», потому что она-де уравнивает голос простого «тряпичника» с голосом гениального ученого и мыслителя. Л. Блюм требовал заменить «демократию количества», т. е. демократию большинства, «демократией качества», т. е. эксплуататорского меньшинства или, как демагогически он ее называл, «социальной демократией».

Таким образом, если некоторые субъективисты, стремясь отвести «личности» как можно более широкую роль в

¹ Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. I, стр. 670.

истории, отказывались признать историческое движение человечества законосообразным процессом, то некоторые из их новейших противников, стремясь как можно лучше оттенить законосообразный характер этого движения, забывали, что история делается людьми и что поэтому деятельность личностей не может не иметь в ней значения. Они признали личность не заслуживающей внимания.

Если одни считали, что в истории господствует лишь необходимость, которая определяет даже индивидуальные черты исторических событий, то другие считают, что вся история соткана из случайностей, среди которых важнейшую роль играют те или иные особенности выдающихся исторических деятелей.

Плеханов считает обе эти крайности теоретически непозволительными, ибо, как та, так и другая метафизически противопоставляют друг другу случайность и необходимость, тогда как в действительности последние находятся в диалектическом единстве.

Он дает уничтожающую критику указанных направлений с позиций диалектико-материалистического учения о соотношении необходимости случайности и одновременно творчески развивает марксистское учение о роли личности в истории.

Историков эпохи Реставрации — Гизо, Минье, Тьерри — он критикует за фаталистический характер воззрений на ход истории, сближающий их взгляды с историческими взглядами епископа Боссюэ. Так же, как Боссюэ движущей силой в истории считал божественную волю, так и они движущую силу истории видели в общих свойствах человеческой природы.

Причиной фаталистического оттенка их исторических воззрений является то, что у них индивидуальное, т. е. случайное, исчезает в общем, т. е. в общих свойствах человеческой природы. Это положение Плеханова полностью совпадает с известным теперь положением Маркса, высказанным в письме к Кугельману, что история имела бы очень мистический характер, если бы «случайности» не играли никакой роли.

Теоретическая несостоятельность взглядов историков периода Реставрации обнаруживается и в том, что они, метафизически абсолютизируя свойства человеческой природы, впадают в неразрешимое противоречие, а именно: если человеческая природа постоянна, то она не может быть причиной крайне изменчивого хода истории, а если человеческая природа изменяется, то ее изменения должны обуславливаться историческим движением.

В борьбе с противоположным направлением, представляющим историю как результат сцепления случайностей, выдвигающих на историческую сцену выдающихся личностей, особенности которых налагают на историю неизгладимый отпечаток, Плеханов выдвигает следующие возражения: во-первых, на исторический результат оказывают влияние не особенности личности сами по себе, а общественное положение лица, обладающего данными особенностями, с одной стороны, и общественная организация, при которой становится возможным влияние особенностей лица, занимающего данное общественное положение, на ход общественных дел.

Так, например, сластолюбие Людовика XV могло оказывать влияние на исторические судьбы Франции лишь потому, что этой слабостью страдал король, а не его конюх, а общественное устройство было таким, при котором общественные силы не могли препятствовать тому, чтобы личные слабости короля использовались во вред государству. Во-вторых, чтобы человек, обладающий талантом известного рода, приобрел, благодаря ему, большое влияние на ход событий, нужно, чтобы этот талант более других соответствовал общественным нуждам данной эпохи, а существующий общественный строй не должен заграждать ему дорогу. Если бы Наполеон вместо своего военного гения обладал музыкальным дарованием Бетховена, то он, конечно, не сделался бы императором. Тот же Наполеон умер бы мало известным генералом или полковником Буонапарте, если бы старый режим во Франции просуществовал лишним семьдесят пять лет.

Плеханов отнюдь не отрицает случайностей. Он полностью согласен с Гегелем, который утверждал, что во всем конечном есть элемент случайного. А так как историческая наука имеет дело с «конечным», то во всех процессах, изучаемых ею, есть элемент случайного. Плеханов лишь утверждает, что в какие бы замысловатые сплетения ни соединялись эти случайности, они ни в коем случае не устранили бы великих общественных нужд, вызывающих такие крупные исторические явления, как революции, и т. п. Индивидуальные особенности исторических деятелей могут лишь ускорить или замедлить наступление данного исторического явления, могут изменить индивидуальную физиономию событий и некоторые частные последствия, но они не могут изменить **направления** процесса, ибо оно обусловлено причинами общего порядка. Более того, сами эти деятели существуют только благодаря такому направлению; не будь его, они никогда не перешагнули бы порога, отделяющего возможность от действительности. Случайность появления

данного исторического деятеля есть лишь форма проявления необходимости.

В противовес рассмотренным теориям, Плеханов, в соответствии с идеями, изложенными Марксом и Энгельсом в «Святом семействе», «Коммунистическом Манифесте», в «Капитале», в «Людвиге Фейербахе» и др., заявляет, что действительным творцом истории является «общественный человек», под которым он понимает совокупность производителей, т. е. народ. Только сами производители могут добиться своего экономического освобождения, а освобождая себя, они освободят и все общество от слепо действующей необходимости и позволят установить истинное царство свободы. Только сам общественный человек создает свои, т. е. общественные, отношения, в соответствии с достигнутым уровнем развития производительных сил.

Объявляя народные массы подлинным творцом истории, Плеханов отнюдь не сбрасывает этим со счетов ту роль, которую играют в истории, так называемые, выдающиеся личности. Он ставит лишь этот вопрос на научную почву и решает его с подлинно научных позиций. Он говорит, что процесс исторического развития данного общества складывается под воздействием причин троякого рода: общих, особенных и единичных. Самой общей причиной исторического развития человечества является развитие производительных сил, которым обуславливаются изменения в общественных отношениях людей. Рядом с этой общей причиной действуют особенные причины, т. е. та историческая обстановка, при которой совершается развитие производительных сил у данного народа и, наконец, влияние особенных причин дополняется действием причин единичных, т. е. личных особенностей общественных деятелей и других «случайностей», благодаря которым события получают, наконец, свою индивидуальную физиономию. Единичные причины не могут произвести коренных изменений в действии общих и особенных причин, но история имела бы другую физиономию, если бы данные единичные причины были заменены другими причинами того же порядка.

Это положение очень важно. Оно дает теоретическое обоснование тому факту, что в пределах одной и той же общественно-экономической формации каждая страна, вследствие особенных причин, отличается от других своим историческим своеобразием. Это положение дает теоретическое обоснование и тому факту, что деятельность выдающихся личностей той или иной страны безусловно оставляет свой, более или менее глубокий, отпечаток и вызывает определенные последствия в исторических судьбах данной страны.

Отсюда проистекает и тот оптический обман, жертвой которого часто становятся люди. Им кажется, что если бы не было данного исторического деятеля, например, Наполеона, Петра Великого, И. Сталина и т. п., то история сложилась бы совершенно иначе. Отсюда возникает культ таких личностей.

Оптический обман, как показал Плеханов, основан на том, что, во-первых, выдвижение данного деятеля на историческую сцену уже автоматически исключило всех других претендентов, на выполнение данной исторической миссии, которые может быть выполнили бы ее так же, или даже лучше. Во-вторых, личная сила таких деятелей является нам в крайне преувеличенном виде, так как мы относим на ее счет всю ту **общественную** силу, которая выдвинула и поддерживала ее. Она кажется чем-то совершенно исключительным, потому что другие, подобные силы, не перешли из возможности в действительность. И когда нам говорят, а, что было бы если бы не было Наполеона, то наше **воображение** путается и нам кажется, что без него совсем не могло бы совершиться все то общественное движение, на котором основывалась его сила и влияние.

В чем же заключается действительное величие выдающейся личности? В области естествознания, указывает Плеханов, гений открывает законы, в области искусства гений дает наилучшее выражение преобладающей эстетической склонности данного общества, или данного общественного класса, а в области общественных идей гений опережает своих современников в том смысле, что он ранее их схватывает смысл новых, нарождающихся общественных отношений. Он является начинателем, потому что он видит **далее** других и хочет **сильнее** других. Он указывает новые общественные нужды, созданные предыдущим развитием общественных отношений; он берет на себя почин в удовлетворении этих нужд. Формулируя общественные нужды, гений способствует формированию соответствующей социальной психики, т. е. пробуждению сил и страстей больших масс и направляет эти силы по должному пути. Овладев сознанием масс, его идеи становятся материальной силой. В этом — все его значение, в этом — вся его сила. Но это, говорит Плеханов, колоссальное значение, это — страшная сила.

Таким образом, назначение выдающейся личности, по Плеханову, заключается в пробуждении самосознания масс, этих подлинных творцов истории. «Пока существуют «герои», — писал Плеханов, — воображающие, что им достаточно просветить свои собственные головы, чтобы повести толпу всюду, куда им угодно, чтобы лепить из нее, как из

глины, все, что им вздумается, — царство разума остается красивой фразой, благородной мечтой. Оно начнет приближаться к нам семимильными шагами лишь тогда, когда сама «толпа» станет героем исторического действия и когда в ней, в этой серой «толпе», разовьется соответствующее этому самосознание. Развивайте человеческое сознание, — сказали мы. Развивайте самосознание производителей, — прибавляем мы теперь»¹.

В тот период, когда основная задача русской революционной интеллигенции заключалась в том, чтобы вырвать широкие массы рабочих и крестьян из страшной темноты, из невиданной забитости, из невероятной одичалости — этот призыв был совершенно правильным. Это было необходимым условием, необходимой предпосылкой к тому, чтобы многомиллионные массы поднялись к активной жизни, к самостоятельному историческому творчеству.

Когда же это пробуждение совершилось и народные массы в 1905 году, по выражению Ленина, «сами, со всей своей девственной примитивностью, простой грубоватой решительностью начали творить историю, воплощать в жизнь прямо и немедленно принципы и теории», т. е. стали тем самым «героем исторического действия», о котором мечтал Плеханов, тогда задача вождей заключалась уже не только в том, чтобы учить массы, но и учиться у масс, прислушиваться к разуму миллионов, обобщать опыт исторического творчества этих миллионов и на этой основе разрабатывать дальнейшую тактику и стратегию революции.

Мы знаем, что Плеханов не сумел тогда понять и осмыслить крупных сдвигов в политическом самосознании масс, над пробуждением которого он так много поработал. Самостоятельное историческое творчество этих масс он квалифицировал как рецидив народовольчества и произнес свою печально-знаменитую фразу «Не надо было братья за оружие». В действительности же сам Плеханов, отнесясь с недоверием к историческому творчеству масс, проявил рецидив народовольчества.

Действительную роль и значение исторического творчества многомиллионных масс в эпоху революций в полной мере оценил гениальный кормчий революции — В. И. Ленин. Его высказывания по этому вопросу представляют огромный вклад в сокровищницу марксизма. Они подняли марксистскую разработку проблемы масс и личности в истории на новую, высшую ступень.

Однако это ни в коей мере не умаляет исторической заслуги Плеханова в разработке данной проблемы, ибо, как

указывал Ленин, «исторические заслуги судятся не по тому, чего не дали исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они дали нового сравнительно с своими предшественниками»¹.

Нового же, по сравнению со своими предшественниками, Г. В. Плеханов дал очень много. Заслугой Г. В. Плеханова перед рабочим движением и марксистской теорией является то, что он идейно разгромил субъективно-идеалистическую теорию «критически мыслящих личностей». Он творчески применил марксистское учение о диалектическом соотношении необходимости и свободы и необходимости и случайности к вопросу о роли народных масс и личности в истории и тем положил начало марксистской разработке одной из важнейших проблем социологии.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 166.

¹ Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. I, стр. 693.